

Клавдия Наумкина

*Тюка кукует
над Рессой
кукушка...*

Семейная сага

Клавдия Наумкина

**Пока кукует над Рессой
кукушка... Семейная сага**

«Издательские решения»

Наумкина К.

Пока кукует над Рессой кукушка... Семейная сага /
К. Наумкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936440-1

Мой дед по отцу умер в возрасте 76 лет, когда мне было всего девять. Спустя год умерла бабушка. И всю историю рода нам с братом рассказывали, как могли и как запомнили, наши родители и родственники. И хотя я родилась на Северном Кавказе, с раннего детства знала, что родина предков — это центр Русской равнины, берега Рессы, впадающей в Угру, не просто так названную Поясом Пресвятой Богородицы, которая несёт свои воды в Оку. А это центр Руси, места исконного проживания славян-вятичей.

ISBN 978-5-44-936440-1

© Наумкина К.
© Издательские решения

Содержание

Пока кукует над Рессой кукушка...	6
Предисловие	6
Часть первая: Истоки...	8
Глава первая	9
Герасим и Лизавета	9
Глава вторая	21
Беда не приходит одна	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пока кукует над Рессой кукушка... Семейная сага

Клавдия Наумкина

© Клавдия Наумкина, 2018

ISBN 978-5-4493-6440-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пока кукует над Рессой кукушка...

Предисловие

Мой дед по отцу умер в возрасте 76 лет, когда мне было всего девять. Спустя год умерла бабушка. И всю историю рода нам с братом рассказывали, как могли и как запомнили, наши родители и родственники.

И хотя я родилась на Северном Кавказе, с раннего детства знала, что родина предков – это центр Русской равнины, берега Рессы, впадающей в Угру, не просто так названную Поясом Пресвятой Богородицы, которая несёт свои воды в Оку. А это центр Руси, места исконного проживания славян-вятичей.

Это была самобытная культура, разительно отличающаяся от западной. Предки жили своими уставами, своими представлениями о добре и зле и со своими богами. Наверное, потому так и стремились многочисленные захватчики всех мастей не просто поработить народ, а уничтожить его под корень.

В последнее время им это почти удалось. Сколько осталось тех, кто помнит свои корни, кто знает своих предков хотя бы до седьмого колена? Из нас выбивали эту память, уничтожали и вытравливали само желание узнать, кто были предки, чем занимались, о чём думали, как жили. Иногда истинные знания подменяли суррогатными, конъюнктурными, соответствующими требованиям и представлениям того или иного правителя страны.

Единственное, что приветствовалось во все времена, это насаждение представлений о том, что именно этот народ, мой народ, является рабски покорным, неспособным к выдвиганию из своих рядов ярких предводителей, и что ему требуется твёрдая рука пришлых иноземцев, хитростью и лестью захватывающих власть над страной.

Потому что любую вооружённую агрессию народ всегда отражал. Сколько их было, таких битв. И почти все они прокатывались по просторам родины моих предков. Прошлый век был самым губительным для коренных жителей центра России. Сколько разрушено деревень, сколько уничтожено древних крестьянских родов, держателей истории страны и рода и продолжателей дела предков.

Такое впечатление, что это был целенаправленный геноцид народа. Его словно намеренно изгоняли с родовых мест, разными способами заставляя уезжать в города и на дальние окраины страны, преднамеренно спаивая, а потом сочиняя мифы о том, что именно русские самые пьющие в мире. А я помню ещё своих двоюродных бабушек, которые до конца жизни ни разу не взяли в рот спиртного, потому что это был грех, и рассказы их о некурящих в довоенное время стариках, потому что в деревне это было опасно и считалось табу.

А ещё помнятся их сказания о древних богах местных, которых чтити наравне с Иисусом Христом, которого всё-таки считали не совсем своим. И воспоминания родителей об их довоенном детстве и смутные предания о богах, которые обитали в лесах, в болотах, в омутах, и рассказы о знахарках и ведуньях.

Это был огромный мир народа с тысячелетней историей, которую преподавали старики своим внукам, приучая их жить в ладу и мире с природой, в почитании своего рода и предков. Всё это утеряно, вытеснено пришлой западной культурой разрушения. И ведь действительно почти всё разрушено. Редко где ещё остаются носители этих древних народных знаний и традиций и считаются удивительными и уникальными чудаками, в рассказы которых сложно поверить.

Нас превратили в «Иванов, родства не помнящих», вбили в головы, что потомки крестьян все поголовно бездарны и должны трудиться лишь в низовом уровне социальной иерархии

государства, а управлять ими будет элита, благодаря родству с когда-то захватившими власть пришельцами, предъявляющая претензии на господство над страной и народом.

Не просто так ведь сейчас стало уделяться столько внимания истории становления нашей страны, возрождаться самобытное народное творчество, искусство. Но сколько безвозвратно утрачено.

Я хочу, чтобы мои потомки не были подобны безродному Ивану, чтобы знали историю жизни своих предков, чтобы не считали себя согласно западной пропаганде людьми без роду без племени, а помнили о своих корнях и своей родине. Потому и решила написать историю своего рода, уже полностью утратившего свою самобытность, но как говаривал мой предок: «Пока кукует над Рессой кукушка, не переведётся наш род», так что кукушки по-прежнему кукуют в тех местах, а у меня уже есть внуки, а значит, наш род продолжается.

Вот только родовых деревень уже нет на просторах страны – их, как и тысячи таких же деревень и сёл, стёрла с лица Земли Великая Отечественная, а потом и непродуманная аграрная политика и разорение страны в лихие 90-е, которые забрали больше жизней наших сельчан, чем та страшная война.

Мои предки были одними из многих миллионов крестьянских родов, живших и работавших на просторах Руси не одну сотню лет. Земли в этих местах малопродуктивны, а потому в руках у крестьян всегда был побочный промысел, который позволял сводить концы с концами, в голодные неурожайные годы кормить детей, учить их мастерству.

И если бы не Великая Отечественная, если бы не полное уничтожение деревни, наш род так бы и остался в родных местах. Мой прадед по материнской линии жил верстах в десяти от прадеда по отцовской, и скорее всего они встречались на ярмарках, где один продавал гончарные изделия, а второй, сапожник, сделанную на продажу обувь.

Ни тот, ни другой и не помышляли о великом богатстве, поднимались в достатке разве что до уровня середняков. Для обоих главным было сохранить детей, помочь им в становлении, дожидаться появления внуков и передать им свои знания.

Война разрушила их самобытный мир, вышвырнула с родных просторов в неизвестность, а жизнь провела проверку на их родовую выживаемость. О том, что их ждало на этом пути, я и рассказываю в этой книге, в память о предках и в назидание потомкам. Хочу только отметить, что все совпадения по именам участников событий второго плана чисто случайны и события, рассказанные в книге, взяты из воспоминаний родственников и мною доработаны.

Юхнов, 2016 год.

Часть первая: Истоки...

Глава первая

Герасим и Лизавета

– Тять, а что дальше? – прерывает затянувшееся молчание нетерпеливая восьмилетняя Ариша. Она с младшими сестрами Дуняшей и Маняшей устроилась на палатах.

Герасим аккуратно снимает с гончарного круга только что сделанный глечик, ставит на полку, потом берет очередной ком глины, разминает его привычными движениями рук.

– И в самом деле, отец, не томи, – поддерживает свою дочь Лизавета. Она вышла из печного угла, где готовила к завтрашнему дню в квашне тесто для хлебов. Проворно вытерла руки передником, присела на скамью с закрепленным гребнем прялки. Крутанула веретенце, потянула кудель. Между пальцами побежала тонкая скрутка нитки.

Лизавета залюбовалась слаженными, отточенными движениями мужниных рук. Только что на станке лежал бесформенный ком глины. Вот Герасим смочил руки в воде, толкнул ногой приводной круг. И сразу запел свою нескончаемую песню гончарный станок. А из-под рук мужа из только что бесформенного комка глины вдруг стал вырастать удивительный сосуд. И чем быстрее вертится круг, тем удивительнее выплывающее, кажется, прямо из пальцев чудо. Но вот руки замерли на мгновение, потом хищным движением мгновенно сломали только что сотворенный горлач.

– Вы что, тять? – удивленно подал голос десятилетний Андрейка. Он сидит рядом со старшим братом на мужской половине избы, на конике, и очень этим гордится. – Ведь так красиво было.

– Кривобокий получился. Не рассчитал, – поясняет Герасим.

Двенадцатилетний Николка, первенец, родительская надежда и опора в старости, приглядывается к действиям отца и между делом лепит из глины свистульки. Он дает и брату комок глины, учит его, как вылепить собаку, петушка, потом показывает, как сотворить медведя...

– Не балуй, – предостерегает отец. – К образам животных надо с почтением относиться. Особенно, к хозяину леса. Он наш дальний родич. Предки ему всегда поклонялись и уважали. За силу. За хитрость. За мудрость. Недаром на Руси-матушке его по имени-отчеству кличут. Как мы его величаем?

– Михайлой Потапычем, – живо откликается Андрейка.

– Верно. А еще медведем зовем. Потому что он ведает, что в его лесу деится. Следит, чтоб в его хозяйстве был порядок. Чтобы пчелки мед в колоды собирали, да хозяина угощали...

Поет станок, выплывают из-под пальцев Герасима кринки да глечики для молока, горлачи для квасов и горшки для похлебок. Чтоб они не были безликими, Герасим на каждом выводит свой узор, где с помощью гребенки, где отточенной щепкой, где пальцами. Рисунки эти в семье передаются из поколения в поколение.

Герасим помнит, как учил его, тогда мальца не старше Андрейки, отец всем премудростям гончарного ремесла. И как метить посуду показывал. И как украсить ее, чтобы хозяйке было в радость в руки ее брать да похлебку варить. Трудное это ремесло. Не всем оно по силам. Кто-то всю жизнь сидит за станком, а не лежит душа к нему. Оттого и посуда кривобока и быстро бьется.

Герасим любит свое дело. И навыки, и умение гончарное передает сыновьям, присматривается, кому оно лучше дается. Радует старший Николка. Вдумчивый, въедливый, пока не поймет, что к чему, не отступит. Но больно любитель до лепки фигурок разных. Они у него как живые получаются. Вот баба с коромыслом, а то гармонист растянул меха. Смешно. Забавно.

Николка и в грамоте впереди всех. Лизавета уговорила отдать в церковно-приходскую школу в соседнее село. Молодец, хорошо учится.

Отец с гордостью поглядывает на старшего, склонившегося над лавкой. Он-таки вылепил Топтыгина с гармошкой в лапах. Теперь, думая, что отец не видит, изображает, как хозяин леса выплясывает на ярмарке. Надо бы одернуть, но больно смешно выходит. Лизавета подхватывается с места, хлопает рушником по спине своего первенца:

– Охальник, что творишь? Отец говорил тебе, что к родичам почтительно надо...

– Будет тебе, мать, – посмеивается Герасим. – Он же в школе закон божий читает. Там другому обучают. Богов наших и родичей чтить не велят. Сама же хочешь, чтобы грамоте учился.

Поет гончарный станок. И под его песню неторопливо, но споро творится беседа об окружающем деревню мире. О живности, что заселяет окрестные леса. В сказочной, быличной форме повествует Герасим детям о делах давно минувших лет, о том, что в детстве слышал от своего отца, а тот в свое время от своего...

– Тятя, – напоминает опять Ариша, – вы же обещали рассказать, как наш предок победил одной оглоблей сорок французов...

– Похвально, похвально, что ты так интересуешься своими предками, – посмеивается Герасим. Он доволен. Вот так, в неторопливой беседе за работой передает он знания о своих предках, о корнях рода. Где еще дети почерпнут известия о том, чьего они роду-племени, как жили пращурь, и почему грешно покидать свою землю, оставлять отчие места...

– Ну, о французах, так о французах. Было это давно. Еще мой прадед Никита был мальцом. Вот таким, как наш Андрейка.

Ариша на эти слова отца смешливо фыркает. Хочет что-то сказать, но раздумывает. Зачем перебивать тятю, который всегда так интересно рассказывает.

– Так вот, навалилась на землю-матушку сила темная, страшная. Порешили супостаты завладеть землей нашей. Началась война ужасная. Со стороны захода солнечного двинулась на нас армия французская. Решили заполонить наш народ православный, поработить люд русский. Многих тогда в солдаты забрали. А кто дома остался, в дружины добровольные собирались. И все шли на супостата. Крепко ему досталось от наших воинов. И крестьяне подмогли армии. По лесам, по глухим местам переходили в тыл врагу, чтобы не допустить их на просторы родимой сторонки, бить их и в хвост и в гриву. Как погнал батюшка Кутузов французов тем же путем, как они пришли к нам, так те и оголодали. Стали рыскать по деревням окрестным. Заглянули как-то и в наши места. В Красном в то время почти что и мужиков не было. Кто воюет в армии, кто в добровольной дружине. Из крепких мужиков только что наш пращур Димитрий был. Как полезли французы в деревню, увидели, что в ней только бабы да старики и дети, так и стали озоровать. Скотину резать, птицу бить. Не выдержал Димитрий, выхватил оглоблю из телеги и пошел на супостатов. Ох, и побил же он их. Те и оружие ухватить не успели. Да и куда им было. Оголодали. Больше думали о том, как насытиться. Говорят, сорок французов наш предок один положил. С остальными справились бабы деревенские.

– Как же он не испужался? – тарачит глазенки Ариша, представляя в уме, как расправляется прапрапрадед Димитрий с врагами.

– На Димитрии деревня держалась. Он был старшим в роду, должен был защищать, – авторитетно заявляет Николка, поглядывая на отца. Одобрит ли его, не осудит, что влез в разговор. Но Герасим сегодня благодушен. Выводы сыновья из рассказа сделали верные. Не усомнились в том, что уж больно число большое побитых врагов называется. Так и должно быть. Дети должны вникать, что землю-матушку защищать надо в любом случае, не оглядываясь на число врагов.

Такие вечерние посиделки в зимнее вьюжное время греют душу, наполняют дом благодарью и радостью. За беседой и дело спорится, и дети учатся.

Приближалось Рождество, а вместе с ним разговение и веселые Святки. Перед праздником всей семьей собрались ехать к заутрене в Гороховский храм.

Лизавета открыла сундук, что стоял в горнице, бережно извлекла сарафан-борчатку, который когда-то под присмотром матери любовно расшивала к свадьбе, вынула душегрейку со складчатой баской и расписную шаль, всю в розах, что прошлым летом купил ей Герасим на ярмарке. Принарядилась, расправила платок, заглянула в зеркальце: не дай бог, волосы выбились из-под кички.

Старшая Ариша с восторгом наблюдала за движениями матери. Ахала, видя, как та преображается. Наконец, не сдержав восхищения, воскликнула:

– Мамушка, какая вы... красивая.

Лизавета в смущении зарумянилась. Вот и дочь уже выросла, замечает красоту. Как быстро время летит. А кажется, вот только вчера Димитрий Наумкин, отец Герасима, заслал сватов к своему артельному Ивану Шураеву, с которым не первый год летом ходили в Москву на дорожные работы. Жили Шураевы в Есипове. Деревня большая, добротная, до сих пор в душе вспоминается с любовью. Там ведь родители, братья, сестры. Но все одно, Красное лучше. Здесь ее дом, ее семья, ее Герасим.

Вспомнилось, как в первый раз увидела суженого. Отца его, дядьку Димитрия, часто наблюдала, когда тот к отцу приходил, а вот Герасима...

Впервые пришел в дом со сватами. Высокий, поджарый, не в отца чернявый, с яркими голубовато-серыми глазами, опущенными длинными стрелами ресниц. Такие бы девице сгодились. На голове кудри крупные, словно завитые. Лизавета из баловства пыталась как-то из своих прямых, цвета пшеничной соломы, косм сотворить витые кудри, да куда там. Такой нагоняй от матери получила: мол, гордись тем, что богом дадено, не гонись за внешней красотой, это все от лукавого.

Лизавета вначале стеснялась своего нареченного. Какой-то он был неулыба, неразговорчивый. Пока сваты вели свой обычный, заведенный издревле обряд сватовства, разок-другой взглянула из-под опущенных ресниц на нареченного. Тот тоже глаз не поднимал на девицу, словно и не интересно было, кого ему на дальнейшую жизнь сватают.

Это потом, когда отшумела свадебная суета, когда молодой муж привел ее в свою семью, поняла, что дальновидный батюшка сыскал своей донюшке настоящее сокровище. Семья Димитрия Наумкина не из богатых, но и не нищенствовали. В семье четверо сыновей. Всю зиму мужики занимались гончарным ремеслом, а на лето в отход собирались. На свекрови и невестке, жене старшего брата Герасима Семена, лежали все заботы о доме, о скотине, об огороде. И Лизавета сразу впряглась в работу. Все ей было знакомо. Недаром матушка с малых лет гоняла, наставляя, что должна делать молодая жена в семье мужа.

Лизавета помянула добрым словом свою свекровь, машинально перекрестившись. Недавно та покинула этот мир, оставив в душе Лизаветы воспоминания о том, как с ласкою приняла новую невестку в свою семью, наставляла на первых порах, учила тому, как вести себя, что и как делать в доме. Везде ведь свой уклад...

Вздыхнув, Лизавета вернулась мыслями из воспоминаний в день действительный. Улыбнулась дочери. Ариша на удивление удалась в мать. И повадки ее перехватывает, и внешностью схожа. Вот Дуняша, та пошла в свекровь, такая же светленькая, с небольшими серыми глазками и кудрявыми льняными волосами, которые с трудом и слезами дочери Лизавета прочесывала после бани и заплетала в тугие косицы. А Маняша еще совсем крошка, в кого пойдет, бог ведает.

За окном послышался звон колокольчика: Герасим запряг в сани Гнедого и вывел на улицу. Пора выходить. Распахнулась наружная дверь, в ней показалась голова Андрейки:

– Мамушка, тятя зовет...

...На санях, крытых рядом, уже устроились Дуняша с Маняшей, обе закутанные в большие клетчатые шали. Сыновья в овчинных полушубках, подпоясанных кушаками, заячьих шапках и валенках, притопывали в нетерпении у саней. Герасим о чем-то разговаривал со своими братьями.

Наконец все собрались, Семен первым тронул своего сытого и равнодушного ко всему свету серого мерина, которого кликали Зайчиком, явно в насмешку, потому что заставить бежать его еще никому не удавалось.

В розвальнях Семена сидел батюшка свекор Димитрий Николаевич, рядом с ним старшая сноха и близкая подруга Лизаветы Степанида с долгожданной дочкой Настенькой.

Так и поехали друг за другом, на зависть соседям и дальней родне.

В Гороховском храме было не протолкнуться. Народ собрался со всех окрестных деревень. Еще когда подъезжали к Гороховке, большие часы на звоннице радостно и мелодично отзвонили время.

У входа в храм все перекрестились, даже трехлетняя Маняша, сидящая на руках отца, добросовестно провела ручкой со сложенными пальчиками ото лба к поясу и от одного плечика к другому. Лизавета глянула на мужа. Тот усмехнулся и тоже перекрестился.

Все в Герасиме Лизавете любо. Одно тревожит: не верит он в Христа. Говорит, что на этой земле правят свои боги, прародители живущих здесь людей, и негоже их забывать ради заморского божества. Но открыто об этом никому никогда не вещает. В храм он изредка навещается, что положено, исправно исполняет, даже к причастию ходит, но делает это не от души, а чтобы не обижать Лизавету. Правда, детей ереси не учит, говорит, что они сами до всего своим умом дойдут.

После службы у храма встретила Лизавета с родными матушкой и батюшкой. Давно не виделись, все недосуг было. А тут свиделись, обговорили, что на Святки посетят родню.

...Святочная пора накатила морозами и забавами.

В канун Рождества старшие дети собрались колядовать. Николка вырядился в старый отцовский полушубок, вывернутый овчиной наверх, Андрейка взял шест со звездой, с ними увязалась и Ариша. Младшие тоже собирались на гуляние, но, сморившись от усталости, не дождались времени. А на улице началась беготня детворы. В дома стучались то и дело группы колядующих. Лизавета всех привечала, в ответ на пожелания добра и здоровья каждому совала заготовленный пирожок.

Потом за окнами зазвучали уже взрослые голоса, на улицу, не усидели, выбрались и старшие жители деревни.

Лизавета проверила спящих дочерей и накинула тулуп на плечи. Вышла следом за Герасимом из дома. Во всех домах в окнах теплится свет. На улице гулял народ, слышался говор и смех. В небе сияли крупные звезды, мороз чувствительно щипал нос, проникал под одежду, напоминая, что пора возвращаться в теплое и уютное жилье. Но на улице было так весело.

Лизавете вспомнилось свое детство. Но оно не было таким радостным и веселым, как у ее детей. Не во что было одеться, чтобы с другими вот так беззаботно бегать по морозу с колядами, да и давали тогда колядующим разве что горсть вяленой репки или сушеной малины, редко кто сунет печёную рогатую козлю.

Сейчас у неё в доме было в достатке зерна, во дворе стояла корова-кормилица, были овечки и даже куры квохтали в хлеву, как раз над овечьей закутой. Все это благодаря неустанному труду Герасима. Тот минуты не сидел без дела. Весь день занимался мужской работой. То ремонтировал полевой инвентарь, то правил сани, то готовил дрова для обжига посуды, то

столярничал... А в трудные годы уходил в отход в Москву, с артелью тестя занимался мошенничеством дорог. Но в дом стремился принести денег, чтобы и с податями рассчитаться, и на житье оставить. Не каждому такое по силам... Неустанно возносила Лизавета благодарность богу и родителям, которые уготовили ей такого мужа.

На Святки принято принимать гостей. Это время общения с родичами, время радости и веселья. В один из таких разудалых дней в дом Герасима пришли его отец и братья с семьями. Лизавета проворно накрыла на стол для мужчин в красном углу, спровадила детей кого на печь, кого на лавки, сама с невестками скрылась в печном углу. Нечего мешать мужским разговорам. Тем более, что там шло серьезное обсуждение предстоящих полевых работ. Прошлый год был с недородом. Хлеба хватало в самый обреш. А кое-кому пришлось идти занимать до новины у гороховского мельника и кабатчика Емельяна Жгутова.

Старый Димитрий молча слушал рассуждения сыновей. Кому одобрительно покачивал головой, на кого сердито поглядывал. Все сыновья пошли по прямому пути предков и занимались гончарным производством. У каждого в доме была своя мастерская и печь для обжига. Ремесло приносило определенный доход, но не такой большой, чтобы платить государству подушные подати, выкупные за землю, налоги и жить в достатке. Надо было выезжать с гончарными изделиями на ярмарки, хорошо бы в уездный город, а еще лучше в губернский. Но и там было много соперников, и выручка от продажи была невелика.

Семен по праву старшинства считал, что надо каждому ехать в свой край, чтобы с товаром не соперничать, тогда, мол, и выгода будет. Никита, как самый молодой и азартный, предлагал всем гуртом отправиться в Первопрестольную и там уж расторговаться. Но на него защищали, мол, куда нам деревенским да в калашный ряд.

– Думаю, братья, надо нам опять в отход собираться, в артель мостовщиков али землекопов прибаваться, – обронил до того молчавший Герасим. – С товаром в Москве-матушке нам не потянуть. Там такие ушлые да хитрые есть купцы, что в раз вокруг пальца обведут. А не поддадимся, так весь товар переколотят. Нет, не умеющим торговать да хитрить, там делать нечего. А вот землю копать да мостить дороги наши мужики испокон века в Москву ходят.

Долго судили-рядили, но лучше предложения Герасима не придумали. Потом стали определять, кому на этот раз оставаться в деревне да приглядывать за хозяйством. Одни женщины со всеми полевыми работами не управятся.

А в печном углу у женщин свой разговор. Кому очередь пришла стан ткацкий устанавливать. По всему выходило Лизавете. Та уже и пряжи на полотно заготовила и рвани набрала на половики. После Святков, как только закончатся праздничные гулянья, сразу и перенесут стан в избу.

Детвора, что помельче, на печи щебечет под присмотром Ариши, постарше мальцы на лавке у печи сидят, тихонько играют фигурками, что Николка вылепил, ждут, когда отцы наговорятся и о них вспомнят.

Наконец все серьезные дела обсуждены, жены вышли из печного угла, расселись на лавках, достали припасенные прялки с куделями, завертелись веретена. Степанида, как старшая из женщин, затянула песню, другие подхватили. Скоро в песенный хор вплелись и мужские голоса. Лизавета подала угощение детворе. Начиналось самое интересное: воспоминания о том, как жили раньше наши предки, какие нравы были.

Димитрий Николаевич, по праву старшинства, обратился к своим внукам:

– А ну-ка, ребятки, кто знает, как и откуда наше прозвание пошло? Пошто нас всех так кличут на деревне?

Старшие, хоть и слышали этот рассказ уже прежде, сразу отложили игры, повернулись к деду.

– Так вот, было это давно. Напали на нашу деревню страшные вороги...

– Это которые французы? – непочтительно перебила старика дочь Семена Настя.

Семен строго взглянул на ослушницу, Степанида погрозила пальцем дочери, но Дмитрий благодушно продолжил:

– Нет, это было еще задолго до той войны. Давно было. Страшное было нашествие. Всадники налетели на деревню, дома пожгли, мужиков перебили, стариков – кого живьем сожгли, кого убили, а женщин и детей в полон забрали. Остались от всей деревни только двое мальцов. Их услали родители на дальний покос шалаш ставить для косцов. А те забедокурили, решили проверить колоды, что в лесу отец расставил, да заблукали. Вот их и не нашли захватчики. А когда уж парнишки вернулись в деревню, от той только головешки да убитые родичи остались. Звали старшего Наумкой, а младшего Шаликой. Думаю, не христианские это имена, а прозвища деревенские. Так вот, парнишки эти собрали всех убитых родичей и схоронили их на месте сгоревшей деревни, а сами сдвинулись далече, к глубокому оврагу, где ране глину брали, и вырыли там себе землянку. Вот от них и пошли два рода деревенских: наш – Наумкины, как мы все происходим от старшего Наумки, а другие – Шаликины, они от Шалики. Помните, не забывайте, внучики, историю своих предков.

– Потому и в деревне теперь только Наумкины и Шаликины проживают? – робко уточнил Колюшка, сын Василия.

– Все наши сродственники и проживают. Пришлых нет. А ране, до побоища, деревня наша была большая, домов было много. Да от них только память осталась...

– Это Селибы, деда? – прерывает повествование на этот раз дочь Василия Груша. Девчушка ладная, красивая, а главное, умница и мастерица. Уже сейчас, в свои десять лет, она заслужила право сидеть среди женщин и наравне с матерью прясть из льняной кудели удивительно тонкую и ровную нить.

Дмитрий взглянул из-под бровей на ту, что прервала его, потом на Василия, но не одернул. Груша его любимица, она одна из внуков пошла ликом и повадками в деда. Потому для виду он посупился, поиграл бровями, показывая недовольство, что его перебивают, не чтят старости. Потом ответил:

– Нет, доня. Раньше деревня стояла там, где теперь наш погост. Не гоже было селиться в тех местах, где упокоились наши родичи.

– Но там же лес растет, и к речке неудобно добираться...

– Да, сколько лет с тех пор прошло. Земля-матушка не терпит пустоты. Все должно быть засажено. Вот и деревня наша, та, порушенная, затянулась лесом, чтобы никто не видел того сраму, что сотворили с людьми вороги. Предки наши – Наумка и Шалика – мудро поступили, ушли от старой деревни, поставили дома на новом месте. Здесь спуск к Рессе попроще, да добыча глины под боком. А капуста наши остались с тех времен...

– Деда, а Селибы? – вновь осмелилась напомнить Груша.

– Селибы... – старик помолчал в раздумье, – Селибы – это капища истинных богов наших предков. Мне, такому же мальцу, как вы, бабушка рассказывала, что на том месте в старину было городище, где жили прашуры и наши, и лазинские, и гороховские, и карповские, может, и другие какие. Там чтили других богов, древних. Теперь про это запрещают говорить. Потому и жизнь становится такая злая, жестокая... Нельзя предавать свою веру, своих богов. Отступников боги лишают разума, насылают мор, засуху, голод и жадных и завистливых чужаков, которые готовы содрать с нас последние порты, чтоб самим разбогатеть... Бойтесь пришельцев, которые рассказывают красивые сказки о том, как в дальних странах хорошо да сытно. Лучше всего в родной сторонке. Нашими богами испокон веку определено, как нам жить, что делать. И надо соблюдать их заветы...

Старик замолчал. Примолкли и дети. Только шуршали веретена в проворных женских пальцах. Никто не отважился прервать затянувшееся молчание. Наконец Димитрий вернулся из своих дум в реальность и встряхнул головой:

- Что приуныли, пострелята? Нагнал на вас мороку старый дед? Все пройдет. Вернутся наши боги. Они добрые. Вот скажите, какие сейчас деньки?
- Святочные, деда... – осмелилась ответить сестра Груши Аня.
- Правильно. А кого мы прославляем в закличаниях-колядах?
- Ярилу-солнышко... – дружно ответили внуки.
- Вот про него я вам и скажу сказку... Слушайте...

Спустя несколько дней приехали навестить родню Лизаветины родители. Пока хозяйка привечала матушку, у Герасима с тестем состоялся обстоятельный разговор о предстоящем лете. Тесть сам уже в летах, но отходным промыслом еще занимался, так как без этого выжить в деревне становилось невыносимо. Выкупные государству за землю не уменьшались, а там еще набегали весенние подати, налоги... С урожая всего не погасить. Оставалось одно – отходной промысел. Не всем он под силу. Многие ломались от непосильной работы за гроши, но на их место приходили новые. Просто потому что неоткуда больше было добыть средств на погашение долгов. В отходе непривычные к городским порядкам крестьяне порой привыкали к разгульной жизни местных бродяг, почти мгновенно спивались, оставляя в кабаках все свои нехитрые пожитки, пополняли число пропойц, воров, в большей части нищих на папертях многочисленных московских храмов.

Герасим последние лет пять в отход не собирался, обходился тем, что выручал с урожая, с продажи посуды... Но прошлое лето выпало дождливым, хлеба не уродились, да и народ обнищал, спрос на гончарные изделия упал. Не хотелось бросать Лизавету одну с детьми на все лето, но без этого, как ни крути, не вытянуть оплату податей. А попасть в кабалу Герасим ох как страшился. На глазах дальние родичи превращались в голытьбу, уходили на работу в город, отвыкали от крестьянского хлебоборобного труда, бросали землю-матушку, забывали обычаи...

Лизавета с матушкой в печном углу обговаривали свое, женское. Матушка вновь советовала принять на постой дальнюю родственницу, вдовую бездетную тетку Груню. Той в одиночку не справиться с прожитьем, а в семье она будет помощницей Лизавете, и в доме, и в огороде, и за детьми присмотрит.

Дочь соглашалась с доводами матушки, что это лучший выход из положения, но как на это посмотрит Герасим. Тот не любитель был привечать посторонних. Хотя какая же посторонняя тетка Груня?

О предложении матушки Лизавета завела с мужем осторожный разговор уже после отъезда родителей. Но Герасим неожиданно признался, что и сам уже подумывал найти помощницу жене. Все-таки пятеро детей, да пока еще малых, с ними тяжело будет одной управляться. Порешили на том, что на масленую неделю об этом и поговорят с теткой Груней.

На Крещение морозы чуть спали. Детвора высыпала кататься на санках и ледянках с высокого склона Рессы. Под окнами загомонили ребятишки. Они то и дело слетали по раскатанной горке вниз, тащили свои ледянки вверх, падали, хохотали, растирали замерзшие пальцы, дышали на руки, чтобы согреть их, и вновь катились вниз.

Младшие Дуняша и Маняша долго уговаривали мать и отца разрешить и им покататься со старшими. Но в таком многолюдье малюток могли и покалечить. Герасим, занимавшийся изготовлением горшков, поставил очередной на полку для просушки и снял рабочий фартук.

– И то, мать, пойдем на горку. Гляди, уж вся деревня собралась... За окнами, сквозь заиндевшие стекла было видно, как веселится на улице народ.

Старшие дети катались на самом крутом склоне берега. Оттуда раздавались крики и подбадривания саночников.

Дуняша вывезла санки, которые сделал для них с Маняшей отец в эту зиму, еще не шибко обкатанные, и поглядела на вышедших родителей. Ей боязно было идти на большую горку.

Герасим понял страх дочери и повернул к оврагу. Здесь катались младшие. Да и склон здесь был самый пологий.

– Вот тут, доня, мы и попробуем, – произнес он успокаивающе, уселся в санки, посадил впереди себя Дуняшу и уверенно оттолкнулся от утоптанного снега. Санки споро покатали вниз, туда, где летом плещется вода Рессы, а сейчас ее покрывает плотный лед.

Дуняша в восторге завизжала.

Потом настал черед Маняши. Потом с дочерьми скатилась Лизавета, вспоминая время своего детства. Увидев на горке родителей, к ним присоединились и старшие дети.

Герасим стал на краю берега, оглядел окрестности. Красота! Сверху как на ладони все окрестные места. Все занесено снегом. И от этого вокруг необычно и сказочно. Поля и леса скрылись в сугробах. На противоположном берегу вьется проторенная дорога к соседней деревне Лазино. Вон и дома едва виднеются в бескрайнем снежном море. Детвора отсюда частенько приходит покататься с высокой и крутой краснинской горки.

Вскоре в праздничном веселье на горке приняли участие почти все молодые жители деревни. Девки на выданье, парни, только входящие в возраст, молодые семейные пары, у которых период жениховства еще не перебродил, а то и почтенные отцы и матери семейств собирались на высоком берегу Рессы, наблюдали за тем, как веселится на горке молодежь. А некоторые отчаянные головы из старшего поколения, забыв свое положение отцов семейств, забирали санки или ледянки у своих отпрысков и вспоминали свои молодые годы, скатываясь с самой крутой части берега. Детвора бегала вокруг, хохоча от восторга, подбадривая родителей, толкаясь и сваливаясь с горки вниз.

К Герасиму подошли братья Семен и Никита.

– Што, братик, не тряхнуть ли стариной? – спросил Никита и как был, прыгнул на раскаленную ледяную дорожку катка, следом за ним сиганул Семен, ухватив за полу тулупа и Герасима. Мгновение спустя они, хохоча и оббивая друг с друга снег, уже поднимались наверх.

Более приземленный и степенный Василий от предложения скатиться с горы, категорически отказался. Он стоял об руку со своей женой Аксиньей и лишь наблюдал за тем, как другие веселятся.

– Не прокатиться ли нам с тобой, как раньше, Лизаша? – предложил Герасим, когда вместе с братьями выбрался на горку. В порыве нежности он обхватил жену за плечи, развернул к себе лицом, потерся о ее румяную щеку своей жгуче-черной бородой. Та засмушалась, уткнулась мужу в плечо и согласно кивнула. И вот уже они катятся в санках с горы, и у Лизаветы захватывает дух от восторга и страха. Но она знает, что ничего не случится, потому что ее крепко держит в объятиях ее муж и защита...

Сразу после праздников в избе установили ткацкий стан. С этого дня у Лизаветы прибавилось работы. Она стала приучать к ткацкому ремеслу старшую дочь. Ариша уже помощница по дому, знает, как убираться в избе и хлеб замесить, и лепешки испечь. Пора и к ткацкому стану приучать.

Начали с половиков. Дело это нехитрое, движется быстро, а рука у ткачихи набивается, так что когда придется холсты ткать, уже будут руки сами знать, что делать. Ариша кидает уток между натянутых нитей основы, потом прибавляет прокинутую бечеву, нажимает на педали, меняя местами нити основы, и так весь день. Накручивается на барабан сотканное полотно половика. С каждым движением все увереннее ее руки...

Тонкое льняное полотно ткала уже сама Лизавета. Она заготовила в достатке льняной пряжи и теперь почти круглые сутки стояла за станом, монотонно переставляя нити основы и быстро пробрасывая уток. Глубоко за полночь слышался равномерный стук подбиваемой нити. Надо было наготовить ткани и на одежду ребятишкам, которые подрастали, и себе, и Герасиму, и хотелось выгадать на продажу. Лишняя копейка всегда пригодится.

Герасим тоже работал, не покладая рук. Днем он пересматривал инвентарь для весенних работ в поле, обихаживал скотину, вывозил навоз на овощник, а потом и в поле, на свою полосу, подлathывал тын, готовил дрова, а как завечереет, садился к гончарному станку. И при свете лучины под монотонный стук ткацкого стана вертел приводной круг станка и вытягивал из глины крутобокие кринки, носатые рукомои, широкие миски, кружки... А чтобы работа не была в тягость, запевал песню. Ее тут же подхватывала Лизавета своим глубоким грудным голосом. Глядишь, в их голоса начинали вплетаться и Николкин, и Андрейкин.

Мальчишки старались не отставать от родителей. Николка уже допускался к украшению выполненных отцом изделий. Особенно ему рукомои удавались. Оба носа рукомоя он украшал зверушками, а то и сам носок превращал в разверстую пасть чудища.

Герасим посмеивался над чудачествами сына, но не оговаривал. Знал, что с такими зверушками рукомои берут лучше. А между делом старший сын лепил фигурки и свистки. Это тоже подспорье в гончарном деле. Вот уже и Андрейка пробует творить свистульки. Пока они еще неказисты, но придет время, наловчится, благо, что от старшего брата навыки перенимает.

На Масленой неделе на тещины вечерки Герасим отвез Лизавету с детьми в Есипово к родителям. Теща загодя приготовила встречу зятьям, как и принято по обычаю. Выставила на стол медовуху, наливки, закуски. А уж как с блинами расстаралась! Каких только прикусок к ним не было!

Пока мужчины в красном углу угощались, женщины собрались своим кружком. Сестры и невестки завели разговоры о своем женском житье-бытье. У кого кто родился за прошлый год, кто преставился, какие новости у дальней родни. Словом, о том, что обычно волнует женщин.

Хозяйка меж тем послала старшую внучку за теткой Груней, что жила на другом конце деревни. Лизавета давно не видела тетку и не знала, как пройдет встреча. Вдруг они друг другу не глянутся. Еще тяжелее будет, если тетка не глянется Герасиму.

Лизавета украдкой взглянула на мужа. Тот сидел в кругу мужчин, ее братьев и зятьев, и что-то увлеченно рассказывал. Она заметила, что хмельное он предпочитал не пить, под благовидным предлогом отказывая угощавшим родственникам.

Тесть обсудил с Герасимом предстоящую работу в отходе. Дело в том, что по некоторым сведениям, на предстоящее лето требовались землекопы на строительство железной дороги на Урале, где обещали хорошую плату. Тесть со своей артелью уговорился ехать туда.

Герасим согласно кивнул головой. Делать нечего, куда скажет артельный, туда и отправятся. Самим братьям прибываться к чужой артели не с руки. Непривычных к работе в отходе мужиков запросто могут обмануть ушлые вербовщики. А тут все ж таки сродственник. Чай не обманет.

Незаметно вошла тетка Груня. Еще не совсем старая, но какая-то изможденная, с потухшим взглядом. Тяжело на деревне одинокой вдове, потерявшей не только мужа-защиту, но и детей. Приходится по любому пустяку идти кланяться к родне да соседям. Оттого и спина гнется под тяжестью горя и нужды. И ждет такую вдовицу горькая участь или на паперть идти, или отдавать себя в руки общины, что там решат. Или наниматься в поденщицы к помещику. Да вот только силы уже не те.

Матушка Лизаветы молча провела новую гостью в горенку, кивнула дочери. Та направилась следом. В горенке, подальше от посторонних ушей и состоялся договор. Тетка Груня переезжает жить к Лизавете. Будет помогать по хозяйству, за детьми присматривать, а за это племянница обязуется досмотреть за теткой до скончания дней. На том и порешили.

Герасим вопросительно взглянул на вышедшую из горенки жену. Та согласно кивнула головой.

... Тем же днем, пока Наумкины гостили у родни, тетка Груня собрала нехитрые пожитки в узлы и перенесла их в сани. Так что назад возвращались уже с пополнением.

Вскоре Лизавета поняла, что матушка опять помогла своей донюшке, приислав той хорошую помощницу.

Тетка Груня была немногословна, но понятлива. Она сразу включилась в жизнь семьи, стараясь не особо мозолить глаза, но своевременно и ненавязчиво помогая во всех работах. Дети, особо младшие, с ней быстро нашли общий язык. Теперь она спала с ними на печи, перед сном рассказывала сказки, которых знала несметное множество, рано вставала, растапливала печь, обихаживала скотину. И все это с улыбкой, в удовольствие. Она и внешне стала приятнее. Ушла из глаз тень обреченности и печали. Дети, даже старшие, стали звать ее нянькой Груней, спокойно приняли в члены своей семьи на место умершей бабушки, которой им явно не хватало.

Теперь Герасим был спокоен за семью. У Лизаветы появилась помощница, которая присматривает за детьми, поможет по дому и в поле. И Лизавете не станет так одиноко в те долгие месяцы, пока он будет работать в чужих краях.

Тетка Груня, намаевшись в одиночестве и нищете, тоже ощутила тепло новой семьи. Здесь было небогато, но, по крайней мере, сытно. Муки было в достатке, и пока не приходилось в хлеб добавлять ни желуди, ни мякину. Раз в неделю заводили квашню, замешивали тесто, потом протапливали печь и сажали хлебы на капустных листьях. Для этого у Лизаветы в погребе всегда хранились капустные кочаны. Когда уже испеченные ковриги раскладывали на столе, смачивали водой корку и покрывали полотном, по избе растекался восхитительный аромат, которого тетка Груня не вспоминала уже много лет.

Весна выдалась дружная и быстрая. Только что лежали снеговые сугробы. А тут вдруг засветило, заиграло солнышко, потекли ручьи, лед на Рессе потемнел, вспучился и однажды ночью сошел. Лишь кое-где по берегам виднелись небольшие заломы, но и они быстро исчезали. Спорые дожди согнали с полей последний снег, и земля покрылась легкой зеленой вуалью. Чернеющий еще недавно лес вдруг забурел, стал одеваться зеленоватой дымкой набухающих и проклевывающих почек.

Герасим с братьями каждый день ходил на земельные наделы. Ранняя весна радовала тем, что успевали до отъезда на работы посеять зерновые, но и беспокоила непредсказуемостью погоды летом.

Разлив этот год не удался, был скудным и краткосрочным. Заливные луга не получили того запаса влаги, как обычно по весне. Капустница, что располагались под крутым берегом, хоть и заливались, но тоже не ощутили в достатке воды. Лето обещало быть сложным. И это огорчало Герасима. Опять возможен неурожай, а это серьезно отзовется на достатке. Тяжело придется Лизавете без мужской помощи. Но и оставаясь в семье, значило обречь детей на голодное существование. Как не раскладывай, а выходило одно – ехать зарабатывать деньги.

Перед отъездом братья успели вспахать и засеять свои наделы. Герасим помог Лизавете привести в порядок семейный участок на капустном поле, а в овощнике она уже управлялась без него, с детьми и теткой Груней.

После Пасхи старый Димитрий отвез сыновей в Юхнов. Там и собралась артель землекопов. Под руководством вербовщиков отходники отправились к местам работ.

Лето пришло с сухью и пожарами. Горели леса за рекой. То и дело сообщали о погорельцах в соседних деревнях.

Тетка Груня каждое утро брала девчонок и шла в лес собирать ягоды, травы для чая. Все, что только можно, заготавливалось к предстоящей зиме.

А Лизавета с сыновьями носила воду из обмелевшей реки на полив овощника в надежде, что это поможет вырастить хоть что-то на грядках.

Это было тяжелое время. Травы погорели, на заливных лугах, где были основные покосы, растительность побурела раньше времени и рассыпалась в прах. Николка с Андрейкой вечерами уходили в лес и готовили ветки, на болоте резали осоку и все несли к дому.

Однажды Лизавета сходила на свои надель. Зерновые не радовали. Она остро ощутила, что ее семью ждет беда. Без зерна придется отказаться от скотины, а это голод и нищета. В бессилии добрела она до берега Рессы, прилегла под ракитой. Сердце щемило тоской и отчаянием. Слезы градом покатились из глаз.

Рядом опустился незаметно подошедший свекор Димитрий Николаевич. Положил свою тяжелую руку снохе на голову.

– Ничего, дочушка, ничего. Все будет ладно...

– Ах, тятюшка, как же мне тяжело. Как сердце беду чувствует...

– Окстись, дочушка. Все наладится... Пока кукует над Рессой кукушка, не пропадет наш род. Она нам лета считает, вон как кричит, надрывается. Долго нам всем жить обещает. А тяготы, они всегда у нас на роду написаны. Будем работать, глядишь, все наладится. Терпи, дочушка, тебе растить мальцов надо. Скоро вернется Герасим, станет полегче...

Свекор поднялся с земли и побрел в сторону деревни. Лизавета внезапно заметила, как сгорбилась его спина, словно огромный груз тревог и беды придавил его плечи к земле.

Во второй половине лета, когда уже и не нужно было, зарядили дожди. Урожай зерновых собрали мизерный. Лизавете помогал свекор. Под его руководством Николка и Андрейка свозили снопы сжатого хлеба в овин, там сушили, а потом молотили. Собрали зерна разве что на посев следующего года. А себе на еду только вприглядку.

Зато тетка Груня с девчонками натаскали грибов, которые, словно на пожар вдруг стали выскакивать на свет божий, хоть чем-то радуя поселян. Грибы солили в бочонки, чтобы потом, осенью продать на ярмарке. Пришлось сыновьям вместе с дедушкой и заготовкой дров заняться.

Осенью появились в деревне на своих тележках прасолы, приехали собирать долги. По весне они щедро раздавали деревенским серпы и косы, другой потребный инвентарь, ссуживали деньги под возврат новым урожаем, а теперь требовали расчета.

В большинстве дворов заголосили женщины, расставаясь с последним. Многим предстояло идти по миру, наниматься в поденщики, уходить в города на фабрики. Селян это несказанно страшило. Зато прасолы опять обогащались, обманывая в основной массе своей неграмотных крестьян.

Семьи братьев Наумкиных эта беда миновала. Инвентарь Димитрий Николаевич заставлял сыновей приобретать загодя, еще когда отправлялись торговать на ярмарки своими гончарными изделиями.

Все подати и налоги братья погасили в кредит под оплату работы в отходе. Потому наступающая зима хоть и страшила голодом, но перетерпеть его можно было.

Осень порадовала овощами. Пусть и поздние дожди, но позволили запасти кормов и для скота.

У Семена вдруг прорезалась торговая жилка. Он с гончарными изделиями братьев и своими отправился в соседний уездный город и удачно там расторговался, привез хорошую выручку.

В ноябре, уже по снегу, вернулись из отхода братья. Привезли зерна, муки, кое-чего из мануфактуры. Ну и денег немного. Жить теперь было можно.

Герасим с тоской осматривал заколоченные досками окошки некоторых изб – свидетельство того, что дальняя родня не смогла справиться с подступающим голодом и ушла из деревни. Кто-то отправился в Первопрестольную, кто-то недалеко, на Юхновскую фабрику, или в Вязьму, или в Калугу. А кто-то решил двинуться далече – в теплые края Новороссии или на Кубань, а то и вовсе на Дальний Восток.

Сколько таких горемык повидал за этот сезон Герасим, работая на строительстве железной дороги. Шли они целыми семьями, со своим скарбом, с детьми и скотиной. Порой, не выдерживали трудного пути и складывали свои головушки в чужой стороне. И вдоль дорог появлялись деревянные кресты.

Пройдет какое-то время, сгнут кресты, и уже никто не вспомнит о том, что здесь завершили свой земной путь крестьяне такого-то уезда, такой-то деревни.

Однажды Герасим в тяжелом раздумье отправился на Селибы. Взобрался на один из холмов, уже основательно укутанных снегом, уселся, опершись на ствол березы, и задумался. Отчего так выходит? Там, где ему довелось работать все лето, погода была благодатной, хлеба уродились на славу, селения добротные, жители многочисленные, а здесь, в родной сторонке, мало того, что идут неурожай за неурожаем, земли скудные, наделы мизерные, а поборы, что там, что здесь, одинаковые. Из местных все соки выжимают, силком заставляют бросать свои родовые места и уходить в неизвестность. Почто так-то? Чем не угодили здешние жители? Может, плохо к своим богам относились, не почитали их, как должно? Но ведь власть неустанно требует чтить единого бога, пришлого. Вот и праздники старинные под него подстраивают. А душа все одно другого требует. Понимания древних обычаев, праздников и уставов, заповеданных пращурами на житье в этих местах...

Глава вторая

Беда не приходит одна

Перед Рождеством Герасим подготовил к обжигу новую партию посуды. За домом была вырыта в склоне оврага и оборудована гончарная печь. Туда перенесли всё, что заготовили для продажи на предстоящей праздничной ярмарке. Николка с Андрейкой расстарались, налепили свистулек, зверушек, забавных фигурок людей.

Герасим не упускал случая поучить ребят таинству укладки горшков, чтобы не побились при обжиге, чтобы все они получили в достатке жара и не потрескались. Вновь и вновь показывал, как укладывать дрова в печи, как замуровывать жерло и начинать растопку.

Обжиг вроде бы дело нехитрое и рутинное, но стоит чуть отвлечься, и все может пойти насмарку. В это время обычно гончары другой работой руки не занимали. Все внимание было приковано к печи. И только когда старший оповещал словами «ну, всё, заяц выскочил», остальные облегченно вздыхали. Основной процесс завершён.

На предрождественскую ярмарку Герасим отправился в уездный Мосальск вместе с обоими сыновьями.

Затемно, когда все еще спят, только мамушка да нянька Груня растапливают печь и готовят в квашне тесто для праздничных пирогов, жуть, как не хочется вылезать из-под тулупа и ехать куда-то в неведомую даль. Андрейка до последнего остается на лавке. И только когда Николка ехидно замечает, что так можно и царство небесное проспаться, нехотя спускает ноги на ледяной пол, тут же сует их в старые валенки.

Мамушка дает сыновьям в руки по куску хлеба, плескает в кружки молока. Благо кормилица Зорька уже отелилась, и есть чем закусить горбушку. Собирает в торбочку дорожный перекус. А на улице тятя уже торопит сыновей. Дорога каждая минута.

Гнедой запряжен, нервно перебирает ногами в предчувствии дальней дороги. Герасим в последний раз проверяет, надежно ли увязана поклажа. Сыновья усаживаются в розвальни, укрываются старым тулупом, и Герасим трогает вожжи. Гнедой послушно тянет тяжелые сани. Вначале осторожно, подчиняясь команде хозяина, потом все увереннее. И вот уже остались позади дома родной деревни, возница правит к накатанному большаку.

Привалившись к брату, Николка закидывает голову, смотрит вверх. В морозном ночном небе ярко и маняще мерцают звезды. Словно стремясь добраться до их высот, из труб всех домов поднимаются дымы. Под полозьями саней поскрипывает снег. И так хорошо думается под это поскрипывание, шумное дыхание Гнедого, шорох ворочающегося рядом брата.

Николка в новом году заканчивает церковно-приходскую школу. Уроки преподает в ней барыня из соседнего поместья Наталья Марковна. Она постоянно хвалит Николку за сообразительность и усердие, говорит, что надо ему поступать в реальное училище в Юхнове. Тятя обещал отправить его туда. Дай бог, чтобы лето выдалось урожайным, и было чем заплатить за учебу.

Дорога в Мосальск долгая. Она то спускается в ложбину, то поднимается на холм, и тогда как на ладони вся дальняя округа, поросшая заснеженными лесами с проплешинами полей и лугов. Но сегодня ничего не видно, только крупные звезды в безоблачном черном небе. Мороз заметно крепчает, щиплет за нос, за пальцы рук, хоть и упрятанные в шерстяные

вязенки. Николка ближе придвигается к брату, с головой укрывшемуся под тулупом. Потом не выдерживает, соскакивает с саней, подпрыгивает несколько раз, некоторое время бежит за санями. Тятя тоже периодически соскакивает с облучка, торопко идет рядом с Гнедым, разминая ноги.

Мосальск расположился на холмах, домики усыпали склоны. Ярмарка традиционно на рыночной площади. Там уже собрались со своим товаром загодя приехавшие крестьяне из дальних мест.

Герасим направил сани в гончарный ряд.

Несколько гончаров уже раньше прибыли и теперь распаковывали свою поклажу. Герасим глянул на разгорающуюся зарю и заторопился. По рядам уже пошли первые покупатели. Эти не будут бездумно разглядывать товар, они пришли за нужной вещью, и если не поторопиться, можно лишиться удачного покупателя. Вместе с сыновьями он разложил на устланном рядом сене фигурные рукомои, широкие чашки с зубчатыми краями, жбаны для кваса, кружки для молока, крынки, глечики, горлачи...

Между крупными изделиями Николка расположил свои фигурки, да так, точно все его глиняные бабы и мужики на праздник собрались, пляшут. Отдельно фигурки зверей.

Едва управились, как послышалась музыка со всех сторон. Это гармонисты, балалаечники, ложкари принялись свое искусство демонстрировать. Раздались крики зазывал, расхваливающих свой товар.

Андрейка тоже включился в эту перекличку, нахваливая свои игрушки. Вскоре к их саням подошла горожанка в расписной шали с корзинкой, полной провизии. Она подивилась на глиняные игрушки, потом остановила свой взгляд на рукомое, у которого вместо носиков Николка вылепил головы уточек с раскрытыми клювами. Вещица ей приглянулась, и начался торг. Наконец, уступив полушку, горожанка приобрела рукомой и кивнула сопровождавшему ее мужику нести покупку домой.

А на ярмарке народ гуляет! Где приглашают чай пить, где зовут пирогов откусать. Шум, смех, веселье... Герасим, глядя на любопытствующих сыновей, выделил им монетку, разрешил пройтись по рядам, купить себе леденцов или пряник. Но предупредил, чтобы далеко не уходили, не заблукали в чужом городе.

Ребята походили по рядам со сладостями, купили себе и тятю по пирожку, сладких петушков на палочке. Поглазели на то, как тряпочные куклы на краю короба выступают, друг друга мутзят и противными нечеловеческими голосами орут. Николка объяснил брату, что это называется театр, и куклами управляют специальные люди за коробом. Это они вещают такими голосами.

Рядом карусели кружатся, на них люди катаются. Андрейке все чудно, интересно. И дома в два-три яруса, каменные. И храмы. Много их в Мосальске. Храмы большие, величественные. Много больше, чем гороховский или даже мочаловский. А уж какие колокольни высокие, купола яркие, золоченые, зелёные и голубые, как небо.

Тут вдруг над ярмаркой разнёсся сочный, густой, басовитый звук колокола. Он покатился над домами куда-то вдаль. Вслед за ним рассыпалась череда звонов тоном повыше, а им вдогонку запели, зазвенели самые высокие голоса колокольчиков. И все это с перезвоном, со своей особой мелодией. Им стали вторить звонницы других колоколен. Над городом поплыл малиновый звон.

И случилось непредвиденное. Андрейка вздрогнул от первого басового удара колокола, неожиданно повернулся в сторону брата, но нечаянно мазнул надкушенным пирожком по беличьей шубке стоявшей рядом барышни. Та в ужасе взвизгнула, отпрыгнула в сторону, возмущенно выпростала из муфточки руку с платочком, принялась оттирать с шубки пятно. Гимназист в форменной шинели с башлыком, в возрасте чуть старше Николки, не долго думая, с размаху вlepил Андрейке по уху, да так, что с того слетела шапка.

Николка обернулся на вскрик брата и, увидев, как барчук заносит руку для другого удара, выступил вперед и произнес:

– Но-но, барин, будя...

Гимназист мгновенно оценил более крупную фигуру противника и счел за благо увести барышню с места стычки.

Братьям сразу расхотелось дальше ходить по ярмарке. Они вернулись к своим саням.

Тятя уже хорошо расторговал заготовленные горшки для каш и шей, горлачи и глечики, крынки и миски. И поделки для детворы пошли в ход. На видном месте стояла фигурка баяниста, широко растянувшего меха гармошки и пустившегося вприсядку. Его шапка сдвинулась назад, выставляя кудрявый чуб.

Оставив сыновей торговать за себя, Герасим отошел к Гнедому, засыпал ему в торбу овса, достал принесенный сыновьями пирожок закусить. Хотелось чаю, но не оставишь же товар без присмотра, на одних отроков.

В это время к саням подошла стайка гимназистов в шинелях и барышень в нарядных пальто и шляпках, повязанных белыми пуховыми шальями. Среди них и давешняя в беличьей шубке. Они весело переговаривались о чем-то, барышни залиvisto хохотали. Неожиданно барышня в шубке остановилась, будто споткнулась.

– Да вот же, глядите, те мерзкие холопы. Еще, оказывается, и торгуют. И не чувствуют вины своей. Измазали меня и прощения не просят...

– А давайте их накажем? – тут же предложил прыщавый гимназист, оглядываясь по сторонам. Увидев, что взрослых рядом нет, добавил:

– Симочка, какое наказание вы посчитаете возможным?

Давешний гимназист, ударивший Андрейку по уху, только что подошедший к стоящим у саней ребятам, произнес недовольно:

– О чем думать, разбить их товар, пусть катят отсюда в свою вонючую деревню...

Симочка тут же схватила фигурку мужика с гармошкой, бросила на утоптаный снег и наступила каблучком. Послышался противный хруст, и фигурка развалилась на несколько кусков.

Николка, сжав кулаки, кинулся на гимназиста. Тот отскочил в сторону, а прыщавый подставил ножку. Николка не удержался и упал на снег. Хорошо, не задел сани с товаром.

А окружившие его гимназисты залиvisto захохотали, начали пинать, не позволяя подняться и обзывая Николку разными словами. Вокруг сразу же стала собираться толпа зевак, подзадоривая драчунов.

– Родившийся рабом, так им и останется, как его не цивилизуй, – брезгливо произнес гимназист в башлыке и взял барышню в беличьей шубке под руку. Он заметил, что к ним от коновязи приближается какой-то деревенский мужик, и счел за лучшее уйти. Но не учел, что свидетелем их поведения стал другой человек, оказавшийся в толпе зевак.

– Серафима Алексеевна, не сочтите за труд, извольте остановиться, – произнес обладатель пенсне, бобровой шапки и трости с набалдашником.

Гимназисты мгновенно притихли, узнав в говорившем учителя словесности городской гимназии.

– Я советую вам, Серафима Алексеевна, подобрать разбитую скульптуру и возместить ущерб, а также, извиниться за свое поведение, недостойное дочери священнослужителя. А вам, господин Белогорский, должно быть стыдно за свое подстрекательство...

– Мне? – гимназист в башлыке вскинул тонко очерченные брови. – Стыдно? За что? Что проучил этого холопа? Указал ему на его место? Если их не учить, они совсем распоясаются. Тупые, немые животные, только и умеющие, что мычать да блеять.

– Эти, как вы изволили выразиться, животные, создают тот продукт, которым вы питаетесь, они трудятся в поте лица своего, чтобы вы могли жить припеваючи, ни в чем себе не отказывая, пользуясь плодами их труда. А что до вашего определения их тупости, то если дать им возможность учиться, они очень быстро заткнут вас за пояс, так как в изучении предметов вы далеко не в первых учениках.

– Господа, – обратился учитель уже к остальным, – ваше поведение будет рассмотрено на совете попечителей гимназии. Я доведу до сведения господина директора сегодняшней инцидент и извещу об этом ваших родителей. А вам, господин Белогорский, должно быть особенно стыдно. Ведь это ваша матушка отдает столько сил и времени работе в церковно-приходской школе, обучая деревенских ребят грамоте. Странно, вы между собой часто говорите что-то о равенстве людей, о какой-то свободе. И тут же оскорбляете тех, кто в этой свободе больше всего нуждается...

Учитель подождал, пока барышня в беличьей шубке вытащит деньги и заплатит за разбитую фигурку, потом жестом приказал гимназистам удалиться. Последним шел гимназист в башлыке. Он с ненавистью оглянулся на стоящих у саней Николку и Андрейку. Хотел что-то сказать, но, увидев подошедшего к саням мужика, промолчал. Многочисленные зеваки, как обычно, окружавшие любое скандальное событие, стали расходиться.

Николка рассказал отцу о происшествии. Герасим покачал головой. Он был согласен, что малыши не виноваты в сваре, но понимал, что происшествие может выйти им боком.

Впрочем, больше никаких неприятностей в этот день не случилось. Товар свой они распродали за один день, что бывало нечасто. Накупили припасов. Герасим взял заморского чая, который так любит Лизавета, головку сахару, баранок, мануфактуры жене, няньке и дочкам на кофты, сладких пряников к празднику.

Случившееся аукнулось очень скоро. После рождественских каникул Герасима пригласил для беседы отец Алексей, протоиерей Гороховского храма, при котором располагалась церковно-приходская школа. Он без обиняков известил Герасима, что проступок его сына Николая рассмотрен на совете школы, и принято решение отказать ему в рекомендации продолжения учебы в Юхновском реальном училище. Николая могли бы уже отчислить из школы за ненадлежащее поведение, но благодаря заступничеству попечительницы и одновременно учительницы школы Натальи Марковны Белогорской, ему разрешено завершить второй класс, тем более, что он является лучшим учеником школы.

Герасим возвращался в деревню в полном смятении. Что сказать Лизавете? Как она воспримет известие о том, что сыну отказано в продолжении обучения.

У него перед глазами всё время стоял Николка. Услышав о решении попечительского совета, он только и спросил:

– За что, тятя? Я ведь ничего не сделал противоправного. Это ведь на нас набросились гимназисты...

Что мог на это ответить Герасим? Сказать, что такова эта жизнь, где несправедливость побеждает правду? Николка не такой глупый, чтобы и самому об этом не догадаться. Настроить парня на протест, калечить ему жизнь? Нет, Герасим не хотел такой судьбы первенцу. Насмотрелся на каторжан во время работы в отходе. Они тоже говорили, что борются за правду, за счастливое будущее. Но сами были в кандалах, неприкаянные, без семьи, без детей.

– Ничего, Николка, у тебя в руках ремесло, есть хватка, проживешь и без учёбы. Главное, люби свою землю, помни предков своих, чти их заветы и передавай их своим детям, когда придёт их черёд появиться на белый свет.

Лизавета, услышав известие, мгновенно обессилев, опустилась на лавку:

– Как же так, Герушка? Николка такой сметливый, ему всё даётся легко. Господь дал ему светлую голову и желание учиться. За что же его так?

– Лизаша, не рви себе сердце. Наш Николка не пропадёт. У него в руках ремесло, вон как он фигуры лепит.

– Но почему ему не позволили дальше обучаться?

– Если бы всем сметливым да талантливым из народа дали возможность получить знания, Лизаша, то что бы оставалось делать тем, кто стоит у власти сейчас? Они бы сразу почувствовали свою никчёмность. Вот и не допускают крестьянских детей до науки, боятся на их фоне выглядеть ущербными...

Герасим и не заметил, как заговорил словами бывшего каторжанина Василия Полуэктова, с которым в молодости повстречался во время работы на строительстве дороги. Василий, еще молодой, но уже поседевший и какой-то уставший от жизни, прибил к артели землекопов в Саратове. Работал он хватко, но рассуждал странно и непонятно. Объяснял своим сотоварищам, что народу надобно учиться, получать знания, а потом брать в руки власть. Говорил, что правят страной инородцы, которые изначально не хотят просвещать народ, подпускать его к знаниям. Потому что тогда все увидят, что те, которые правят страной, ничем не отличаются от тех, кого они поработили. А неграмотным и порабощённым народом править намного удобнее.

Молодые землекопы со вниманием слушали крамольные речи Василия, но старшие, умудрённые опытом и учёные жизнью, довольно скоро разьяснили тому, что неча сбивать с толку молодёжь, подбивать на бунт. Через некоторое время Василий тихо исчез из артели.

Герасиму казалось, что и забыл он о той встрече, а вот, поди ж ты, в минуты несправедливости, вспомнились речи Василия, и сам не заметил, как Лизаше отвечал теми же словами, от которых в молодые годы отрекся.

Всё же, по завершении учёбы, Николке вручили свидетельство об окончании двухклассной церковно-приходской школы и благодарность за прилежание и успешное освоение предметов. Наталья Марковна похвалила своего ученика за сметливость и стремление к постижению новых знаний. Но... никто даже не заикнулся о дальнейшем продолжении обучения.

Герасим и рад был бы отдать сына дальше учиться, хотя и не видел для того в этом проку, но неурожайный год перечеркнул и эти планы. Не было средств для отправки малого в город и оплаты за учёбу. Это огорчало и расстраивало Лизавету, которая уже сжилась с мыслью, что первенец вырвется из круговорота тяжёлой крестьянской доли, сможет осесть в городе, выучиться, стать независимым от причуд погоды...

После затяжной и холодной весны лето наступило с жарой и засухой. Изнуряли частые суховеи. Становилось очевидным, что опять не удастся в достатке запастись кормов для скотины. Зерновые тоже не удались.

Герасим и Лизавета обошли свой участок, добрались до Селиб, опустились под любимой берёзой. Герасим положил голову Лизавете на колени, закрыл глаза. Жена вытащила гребень и привычно стала расчёсывать спутанные кудри мужа. В чёрных, как вороново крыло, волосах не было ни единого проблеска седины, а мужику, поди уж, четвёртый десяток. Не замечалось и поредения волос. Как был в молодости с густой копной, так и остался. Младшая Маняша, по всему видать, переняла цвет косиц от отца, правда, нет у дочери такой густоты и жёсткости волос.

Герасим, отдавшись на волю Лизаветиных рук, задумался о чём-то своём, унёсся в далёкое прошлое, потом задремал под ласковое движение гребня по волосам. Так бы вот и лежал в этой опьяняющей неге рядом с той, что всегда окажет поддержку и утешение.

Где-то со стороны леса донесся крик кукушки. Лизавета, как в детстве, внутренне произнесла заклинание: «Кукушка, кукушка, сколько мне зим зимовать, лет вековать?». Разошедшаяся было не на шутку птица, вдруг замолчала. Всего раз и крикнула, а потом и затихла.

Лизавета сжалась от страха. Знала, что это плохая примета, если после заклинания птица не откликнется. Невольно рука с гребнем дёрнулась и остановилась.

– Что с тобой, Лизаша? – открыл глаза Герасим.

– Что-то тревожно стало. Кукушка замолчала. Как-то нехорошо... Не случилось бы чего...

– Что может случиться, Лизаша? Помнишь поговорку тятюшки: пока кукует над Рессой кукушка, не переведётся наше племя, сохранится наш род. Всё будет хорошо... А и то, вон, слышишь, опять залилась, годы наши считает...

Герасим выпрастался из рук жены и повалил её на откос, затормошил, развеселил, залобызал. И от неги мужниных объятий Лизавета забыла недавние свои страхи. Действительно, ведь кукует же над Рессой кукушка, а значит, будут расти детушки, радовать родителей своими успехами...

Во второй половине лета жители деревни поняли, что зима предстоит голодная. Надо было думать, как расплатиться с налогами, запастись фуража и муки в достатке. Многие заблаговременно приступили к заготовке подручных материалов для мастерства в зимнее время.

Герасим с Николкой и Андрейкой отправился на ямы, чтобы пополнить запасы глины на предстоящую зиму. Глиняное месторождение было неподалёку, но хранилось в глубокой тайне. Не всякая глина даёт качественные, крепкие и звонкие горшки. Потому испокон века каждый гончар стремился найденный выход хорошей гончарной глины замолчать, упрятать от соперников. Выработка глины Герасиму перешла от отца, который справедливо поделил свои находки между сыновьями. Братья знали о расположении ям каждого, но традиционно сохраняли эти сведения от пришлых.

Привычно одарив щепотью табака духа глиняной выработки и испросив разрешения у него на работу, Герасим приступил к заполнению корзин глиной. Сыновья отгаскивали полные корзины в сторону. Они внимательно следили за действиями отца, внутренне повторяя его слова и движения. Вот отец закончил работу, поблагодарил того, кто охраняет выработку, поклонился и опять кинул щепоть табаку. Кисет с табаком Герасим всегда носил с собой, хотя сам никогда не курил, считал это бесовской забавой, которую не одобряют древние боги. Корзины с глиной перенесли к телеге, укрыли от любопытствующего и недоброго взгляда. Считалось, что если кто позавидует или слово дурное скажет вослед, не удастся сделать хорошей посуды. Потому назад возвращались окольной дорогой, словно бы из Карпова.

Уже подъезжая к деревне, почувствовали что-то тревожное. Над избами поднимались клубы дыма. Кто-то бил в железяку, собирая народ, отовсюду бежали деревенские.

– Никак это у нас горит? – воскликнул Герасим и хлопнул поводьями по бокам Гнедого. Тот перешёл на бег.

Николка с Андрейкой рванули вперёд, к своей избе. Там уже суетился народ. Кто с ведрами, кто с баграми. У овощника стояла нянька Груня в обнимку с вынесенными из избы образами и шептала беззвучно молитвы, тут же, рядом с ней были и сёстры. Они сидели на кое-каких пожитках, что успели вынести из горящей избы. Мамушка распахнула скотный двор, чтобы выпустить живность, переживавшую полуденный зной в тени закуты и погнала подальше от пламени. Оставив Гнедого за околицей, Герасим бросился к дому. Братья и отец, а также дальние родичи сбивали пламя с крыши, растаскивали и тушили занявшийся скотный двор. Женщины таскали воду и заливали очаги пламени.

Благодаря общим усилиям удалось отстоять деревню, а вот избу Герасима уберечь не удалось. Сгорела крыша и часть стен, а скотный двор и овин полностью.

Откуда пришёл огонь, никто так и не смог понять.

Вдруг занялся ближний луг, ветер погнал языки пламени в сторону домов. Тут же ударили в набат. Но луг тушить уже было поздно, главной задачей для всех было отстоять жильё.

Пожары в деревне случаются нередко, особенно в засушливые годы. Любая искра, баловство детей или беспечность курильщика могут стать причиной трагедии. Вот почему Герасим всегда наставлял своих детей с пониманием относиться к огню, учил правилам растопки гончарной печи, запрещал даже думать о том, чтобы баловаться куревом, подобно многим деревенским мужикам, схватившим эту опасную привычку во время работы в отходе.

Погорельцы временно поселились в избе Димитрия. Степанида привела обессиленную Лизавету в печной угол, обняла за плечи.

– Будет тебе, Лизушка. Не рви душу, главное, все живы. Как-нибудь всем миром поможем восстановить избу. А пока поживёте у нас. Тебе ведь здесь всё знакомо...

Спустя месяц Герасим приискал в Карпове избу, хозяева которой перебрались в город и продали её с условием на перевоз. Споро разобрал избу совместно с братьями и отцом, и несколькими ходками перевезли её на пепелище. А после уборочной страды всем деревенским миром приступили к строительству нового жилья. Вокруг печи поставили сруб пятистенку. Окнами горница и жилая часть выходили на Рессу. В избу вело высокое крыльцо на шесть ступенек, под домом была выложена каменная подклеть, где теперь планировал хозяин устроить гончарную мастерскую.

Герасим стремился создать максимальные удобства своим пережившим пожар домочадцам. К дому примыкал под единой крышей и скотный двор. Так что зимой из сеней по коридору, не выходя наружу, теперь можно было попасть в дровяник, тут же располагалась зимняя уборная и вход в скотный двор, где были оборудованы стойла для коровы, телёнка и Гнедого, закута для овец и птичник для кур. А дальше был сеновал и загон, в котором в летнее время будет отдыхать скот.

После Покрова домочадцы въехали в новое жильё. Первой по давним приметам впустили кошку. Та привычно вскочила на загнетку, а с неё на лежанку. Все облегчённо вздохнули. Нянька Груня внесла образа, установила их в красном углу на привычное место, истово перекрестилась и прочитала молитву. За ней повторили и перекрестились все остальные.

В печном углу, ставшем теперь шире и просторнее, Степанида расставила посуду, что изготовил Василий в подарок на новоселье. Тут же затопили печь, перенесли сундук с одеждой, постели. Женщины засуетились в приготовлении застолья. Невестки принесли разносолов, в печурке, пока печь-кормилица накапливала тепло, сварили картошку. Мужчины чинно уселись за столом в красном углу и отметили заселение в жильё малым пирком с пожеланиями долгих лет жизни хозяевам.

... Жизнь помаленьку налаживалась. Всю зиму Герасим с сыновьями в новой мастерской готовили горшки да плошки. Украшали их с выдумкой хозяйкам на любованье. Мальцы в промежутках между делом лепили игрушки детворе на потеху. Сюда нередко спускались и Лизавета с нянькой Груней и старшей Аришей, которую уже приучали к женской работе. И вновь, как прежде, пели гончарные станки, крутились в женских руках веретёна. Иногда нянька рассказывала сказки, которых знала несметное множество, иногда кто-нибудь затягивал песню, её тут же подхватывали остальные.

В новой избе всё было продумано, всё удобно. Герасим, подсмотревший обустройство жилья в тех местах, в коих приходилось работать в отходе, оборудовал всё так, чтобы Лизавете не приходилось зимой часто ходить по двору. Жена стала его беспокоить.

Вроде всё такая же деятельная, спорая и весёлая, Лизавета вдруг могла побледнеть, начать задыхаться. Тут же искала куда бы присесть. Но, чуть отдохнув, вновь принималась хлопотать по дому.

Герасим возил её к земскому доктору в Юхнов. Тот долго слушал грудь и спину Лизаветы, выписал лекарств. А на вопрос мужа, что за хворь приключилась с женой, ответил что-то непонятное: вроде как жаба завелась у неё внутри и душит теперь. Надо беречься от тяжёлой работы и переживаний.

По внутреннему рассуждению Герасим пришёл к выводу, что господин доктор явно спутал крепкую, работающую крестьянку с утончённой, истеричной барышней из господского сословия. Деревенские женщины с младенчества приучаются к тяжёлому труду. А что до переживаний, то Герасим никогда не давал жене повода для этого. И что за жаба такая у Лизаветы в груди? Видно, привык земский доктор обманывать благородных господ всякими придумками, деньги из них выманывать.

Но к советам городского доктора всё же прислушался. Мысли не мог допустить, что его Лизаша может заболеть.

Всё следующее лето Герасим провёл дома. Надо было доводить до ума дом и подворье. То, что было только начерно собрано прошлой осенью, требовало обработки и обустройства. В сенях он расположил лари для зерна и муки, в проходном коридоре устроил лестницу на чердак дома, откуда можно было без проблем пробраться на сеновал в летнее время.

Лизавета всё также привычно хозяйствовала в доме, не покладая рук занималась огородом и домашними делами. Но, порой, медленно опускалась на лавку и некоторое время сидела так без движения. Потом, будто вспомнив о чём-то, вновь принималась за дело.

Нянька Груня с тревогой поглядывала на племянницу и покачивала головой, но ничего не говорила. Только старалась перехватить любую тяжесть, что задумает нести Лизавета. Та вначале противилась такой помощи, но потом перестала сопротивляться. А в глазах её тенью стала мелькать потаённая грусть.

Вместо отца этот год впервые в отход отправился пятнадцатилетний Николка. Его взял под свой присмотр дядька Семен. Малец уже заметно вытянулся и расправил плечи. Над губой затемнела полоска усов. И весь он стал наливаясь юношеской силой.

Перед отъездом Николка, немного стеснясь, обнял свою мамушку, прижался к ней, как прежде, в детские годы, уловил родной запах.

Лизавета огладила его вихрастую голову, которая была уже выше ее, привычно пробежалась рукой по спине первенца. Как вырос за последние месяцы сын, становится мужиком.

Так они простояли некоторое время, обнявшись, пока Герасим несколько насмешливо не проворчал:

– Ну, будя, не на век растаетесь. Чай, осенью заявится назад наше чадушко...

Николка проворно чмокнул мамушку в щеку, сразу засмуцавшись отцовской насмешки, и выпраставшись из родительских объятий, поклонился тятю, получая благословение и напутствие.

Герасим уложил пожитки сына в повозку, тронул вожжи, призывая Гнедого к вниманию. Братья заторопились к повозке, привычно расставаясь с домочадцами. Только для Николки это было первое далекое от дома путешествие.

Повозка покатила по деревенской дороге к околице. Детвора побежала следом. Николка смотрел на своих младших сестер, которые бежали вдогонку, на брата Андрейку, который махал на прощанье рукой, на няньку Груню, облокотившуюся на плетень, но больше всего на мамушку, показавшуюся ему такой грустной и одинокой в этой толчее радостных лиц...

О своем первенце Герасим особо не беспокоился. Знал, что брат Семен присмотрит за племянником, не дозволит братья за неподъемную работу, приглядит и на отдыхе, чтобы не втянулся малец в какую историю. Да и тесть, дед Иван не дозволит внуку баловаться.

Герасима больше волновало здоровье Лизаветы. В отличие от многих мужиков, он считал, что жена выбрана для совместного пути одна и на всю жизнь.

Лизавета была для него всем в этом мире – тем ощущением счастья, которое он пережил в первые минуты единения и которое не угасло на протяжении всей совместной жизни, радостью от того, что благодаря ней, появились продолжатели рода мужского – Николка и Андрейка, и женского – Ариша, Дуняша и Маняша.

В долгие месяцы работы в отходе мужики порой загуливали на стороне, приискивали себе зазнобушек на время, а кто и навсегда. Герасим к этому относился с долей брезгливости. Раз боги указали, а родители выбрали супругу на век, надо чтить их выбор, потому что это предначертано свыше и негоже пробовать воровски услад на стороне. Своими размышлениями он не раз делился с братьями и односельчанами, пытавшимися втянуть его в свой круг развлечений, пока те не поняли, что разубедить упертого мужика в его мировосприятии невозможно.

Лизавета, в отличие от многих женщин деревни обладала добрым несварливым характером, к тому же светлым и четким умом, могла вовремя подсказать или остановить, при этом никогда не позволяя себе чем-то принизить или умалить знания и опыт мужа. Она была его первым советчиком и поверенным в его мечтах и начинаниях. Прежде чем что-то предложить отцу, братьям или общине, Герасим обсуждал это с Лизаветой, ценя ее советы и пожелания. Для него было странно узнать, что кое-кто из соседей своих жен ни во что не ставил, низводя их до уровня полурабыни-полуслужанки. Но таких он за мужиков не держал. Много ли чести в том, чтобы унижать и по пустякам наказывать ту, что рождает продолжателей рода? Неприятно было сознавать и то, что, распуская себя, мужики позволяли безмерное питье хмельного, становясь неуправляемыми и занимаясь непотребством с чужими женами и просто гулящими девицами.

Герасим всегда считал, что с Лизаветой они созданы и соединены навек и умереть должны вместе. И понимание того, что жена слабеет и чахнет, было для него самым тяжелым крестом. Еще не выросли детки, еще не определились в жизни. Сейчас, как никогда нужна им поддержка родителей. Не за горами время, когда придется приискивать им спутников жизни.

Лизавета уже сейчас приглядывала сыновьям будущих суженых, определяя по характерам, кому кто подойдет. В душе Герасим считал это преждевременным, но жену не разубеждал, внимательно выслушивал ее рассуждения и наблюдения за детьми.

Андрейка вон любит играть с подругой Дуняши Саней из дальнего конца деревни, там поселились погорельцы из Карпова. Семья бедняцкая, слишком много детворы, а мать хвора. Но девчонка справная, работающая. Чем не судьба младшенькому?

Вот с Николкой сложнее. Очень он самостоятелен и к девицам равнодушен. Знает, что многие старшие девицы на него заглядываются, как бы не разбаловался.

Но Герасим по просьбе Лизаветы поговорил с сыном и выяснил, что тот пока не определился в своих пристрастиях и в будущем рассчитывает на помощь родителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.